

За железной решеткой висел информационный стенд. Фотографии и личные данные всех детей, которых готовили к усыновлению, обязательно выставлялись на всеобщее обозрение, и только после окончания срока публикации можно было оформлять документы. Дети на этом стенде разительно отличались от тех, кого показывали в центральном районе. Там сироты были в основном здоровыми, а некоторые — даже очень миловидными. Здесь же воспитанники сплошь казались несчастными: у кого-то после операции осталась явная асимметрия лица, у кого-то косили глаза и кривился рот из-за проблем с ментальным развитием, а в карточке одного мальчика значилось тяжелое заболевание.

— То, что условия в детских домах отличаются, еще можно понять, но неужели и дети в них тоже настолько разные? — тихо спросил Чжай Чэнь, положив руку на плечо Гао Юйшэну и склонившись к его уху.

— Да, в детские дома с плохими условиями реже отдают детей, поэтому шансы получить относительно здорового ребенка там ниже, — Гао Юйшэн со всей серьезностью принялся анализировать для него рыночную вероятность.

Чжай Чэнь со смехом сжал его плечо:

— Я же просто ворчу, не нужно отвечать так серьезно.

— Я всегда буду серьезно отвечать на твои вопросы, — Гао Юйшэн повернулся к нему.

Склоняющееся к западу солнце осветило красивое лицо с тонкими, резко очерченными чертами, заиграв мелкими искрами в глубине выразительных глаз. Чжай Чэнь на мгновение опешил, вдруг не найдя слов, и лишь неловко почесал пальцем щеку:

— Кхм...

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Простите великодушно, у нас тут ребенок внезапно разболелся, припозднился со встречей, — со двора, запыхавшись, выбежал мужчина лет сорока с небольшим в поношенном пиджаке и поспешил пожать руку Гао Юйшэну. — Вы ведь Генеральный директор Гао? Я Лу Чанхуа, директор приюта Гаоюань.

— Но на стенде с информацией о руководстве указаны не вы, — Чжай Чэнь указал на информационное табло рядом с объявлением об усыновлении. На фотографии там был запечатлен седовласый старик.

— Ах, это мой отец, он скончался несколько лет назад. Сам я раньше работал совсем в другой сфере, но отец так переживал за этот приют, что я решил продолжить его дело, — Лу Чанхуа горько улыбнулся. Он смущенно переступил с ноги на ногу, обнажая треснувшую подошву старых туфель, а затем повернулся и позвал воспитательницу, чтобы та вывела детей.

Сейчас в Детском доме Гаоюань было всего около десятка детей, способных ходить самостоятельно. Остальные были либо слишком малы, либо прикованы к постели тяжелыми недугами. Дети, нянечки и директор сфотографировались у столов с благотворительной помощью вместе с сотрудниками Карты «Пунктир». Изначально директор Лу хотел вывесить приветственный баннер с надписью вроде «Спасибо Карте "Пунктир" за пожертвования», но Гао Юйшэн отказался.

— Мы приехали помочь, а не создавать лишние хлопоты, — Гао Юйшэн попросил грузчиков помочь занести вещи внутрь.

Директор Лу был глубоко тронут и повел гостей на экскурсию.

— Почему здесь все так сильно отличается от центрального района? — спросил Чжай Чэнь, прикоснувшись к облупившейся классной доске в комнате для малышей.

— Эх, об этом можно рассказывать долго, — Лу Чанхуа принес несколько табуреток и пригласил их присесть. — В центральном районе учреждение находится в прямом ведении города, финансирование там, конечно, щедрое. А мы относимся к Южному району. Сами понимаете, что это за место. К тому же мы для них — как неродной ребенок, нас подкинули на полпути, внимания никакого.

— Что значит «подкинули на полпути»? — любопытствовал Секретарь Чжэн.

— Изначально этот приют был основан государственным предприятием, так что он считался наполовину государственным, наполовину частным. Позже предприятие обанкротилось, приют передали району, и он получил свое нынешнее название, — директор Лу достал старый фотоальбом и показал им.

В самом начале он назывался «Приют Гаоюань», и его ворота с тех пор почти не изменились. Разве что раньше вокруг тянулась глухая каменная стена, а потом, следуя городской программе озеленения и открытых пространств, ее заменили на железную решетку. Отец Лу Чанхуа, прежний директор, был добродушным стариком с мягким взглядом. Каждый год он фотографировался с воспитанниками у главных ворот.

Страница за страницей, год за годом — на снимках было заметно, как старый директор постепенно худел и угасал. На последнем фото, где от него остались буквально кожа да кости, он все так же кротко и ласково улыбался.

— Отец умер от рака. До последнего вздоха он не мог успокоиться за приют, вот и попросил меня перенять дело. На самом деле я его приемный сын. Оттого и фамилия у меня Лу — меня ведь буквально на дороге подобрали, — с улыбкой поведал Лу Чанхуа.

Все дети в этом приюте, за исключением тех, у кого с рождения сохранились имена и фамилии, тоже носили фамилию Лу.

— Старый господин был человеком с поистине золотым сердцем, — расчувствовался Секретарь Чжэн.

— Можно мне сфотографировать? — спросил Гао Юйшэн у директора Лу, указывая на старые снимки в альбоме.

— Конечно, без проблем, — махнул рукой Лу Чанхуа, разрешая Гао Юйшэну снимать все, что тот пожелает.

Чжай Чэнь с некоторым удивлением наблюдал за тем, как тот сосредоточенно переснимает страницу за страницей на телефон:

— С каких это пор тебя заинтересовали архивные снимки?

— Меня всегда интересовали фотография и живопись, — ответил Гао Юйшэн, возвращая альбом директору.

— Ах, точно, — вспомнил Чжай Чэнь недавнюю Фотовыставку звёздного неба и ту мастерскую,

которая всегда стояла запертой.

— Наш Генеральный директор Гао очень любит искусство, особенно звездное небо, — с улыбкой поддержал беседу с директором Лу Секретарь Чжэн. В этот момент перед ним появилась чашка с водой. Он поспешил ее взять, поднимая глаза: — Спаси... А-а!

Слово благодарности сорвалось на испуганный вскрик.

Воду наливал подросток лет тринадцати-четырнадцати со страшными ожоговыми шрамами на лице, которые выглядели довольно пугающе. Заметив, что напугал Секретаря Чжэна, он низко поклонился, издавая горлом хриплые звуки.

— Простите его, пожалуйста. В детстве он сильно обгорел, пострадали голосовые связки, теперь он не может говорить, — торопливо объяснил директор Лу. Мальчик получил ожоги еще в раннем возрасте, родные подлечили его кое-как и бросили у дверей приюта.

— Ну что вы, не стоит извиняться, — ужасно смутился Секретарь Чжэн.

Мальчик со шрамами, опустив голову, подошел налить воды Чжай Чэню и остальным. Чжай Чэнь ничуть не испугался его лица и с улыбкой произнес:

— Шрамы только украшают мужчину! Когда я подростком ошивался на улицах, спать не мог — так хотел себе крутой шрам во все лицо.

При этом он провел пальцем от лба через глаз к самой переносице, показывая, где именно.

Мальчишка удивленно вскинул на него глаза. Казалось, он впервые в жизни слышал нечто подобное.

Гао Юйшэн все это время сохранял бесстрастное выражение лица, позволяя спутнику болтать всякую чепуху.

— На самом деле ему еще повезло. У нас тут много детей с тяжелой инвалидностью, — вздохнул директор Лу и повел гостей к тем ребятам, которые не могли ухаживать за собой самостоятельно.

Большинство из них страдали умственной отсталостью или врожденными физическими дефектами.

— Должен признать, здешние дети действительно... ни одного здорового, — Секретарь Чжэн вовремя прикусил язык, готовый сорваться на слово «уродливые». Но это было чистой правдой: обычно даже среди инвалидов встречаются симпатичные ребята, но здесь нельзя было найти ни одного ребенка с правильными чертами лица.

— Здоровых детей все хотят усыновить в первую очередь, на них очередь расписана невесть на сколько вперед. А вот инвалидов у нас полно, здоровых почти нет, и брать детей с тяжелыми нарушениями никто не желает. Те, у кого легкие отклонения — их анкеты висят у входа, — обычно предназначаются для иностранного усыновления, — директор Лу поднял с пола ползающего ребенка с ментальными нарушениями и пересадил его обратно в манеж.

— Какая жалость... Директор Лу, вы святой человек, — Секретарю Чжэну стало так не по себе от увиденного, что он тут же пожертвовал тысячу юаней из собственного кармана.

Когда они покидали приют Гаоюань, уже сгущались сумерки. Это была последняя точка на сегодня. Сотрудников распустили по домам. Секретарь Чжэн подошел к Гао Юйшэну, о чем-то тихо спросил его и, дождавшись согласного кивка, тут же громко объявил коллегам:

— Мы все сегодня знатно потрудились! Давайте устроим совместный ужин, Генеральный директор Гао обещал все оплатить!

— Ура! — хором закричали сотрудники и веселой толпой поспешили вслед за Секретарем Чжэном.

— А ты чего не идешь? — Чжай Чэнь слегка уцепил задумавшегося Гао Юйшэна за бок.

— Мое присутствие только испортит им все веселье, — Гао Юйшэн дернулся, уворачиваясь от щекочущих пальцев.

— Ну и ладно. Тогда братик отведет тебя кое-куда, поедим вкусностей, — Чжай Чэнь игриво поиграл бровями, став точь-в-точь похожим на кота Тома из мультика, который пытается подлизаться к хозяйке.

— Э... э! — раздалось сзади хрипение обожженного подростка.

Чжай Чэнь обернулся. Мальчик сунул ему в руки брошюру. Это был буклет Детского дома Гаоюань, который незадолго до этого раздавали всем волонтерам.

— Спасибо тебе, — Чжай Чэнь убрал буклет в рюкзак и помахал парнишке на прощание.

Гао Юйшэн засунул свой экземпляр в рюкзак названного брата и перехватил его поднятую руку:

— И что мы будем есть?

— Посмотри по сторонам, где мы? — Чжай Чэнь указал на оживающий в сумерках пригородный поселок. Это был Чжоучжай, славящийся своим ночным рынком.

Еще в детстве он обещал Тяньцы, что они перепробуют все уличные лакомства в этом городе, и сам Чжай Чэнь перепробовал уже почти все, что было возможно. Подобные ночные рынки были настоящим испытанием для его куриной слепоты, поэтому раньше ему приходилось силой таскать с собой Фан Чуяна в качестве проводника. Ночной рынок Чжоучжая выглядел дешевым, грязным и хаотичным, но в нем скрывались настоящие кулинарные сокровища.

Гао Юйшэн взглянул на темнеющую улицу и решил не выпускать его руку. Так они вдвоем, держась за руки, зашагали вглубь лабиринта переулочков ночного рынка.